

СКАЗКИ РОДНОЙ ЗЕМЛИ

*Беседа журналиста Альбины Батуриной с писателем
Василием Беловым, лауреатом Государственной
премии СССР*

— «Писано-переписано тому серому зипуну, опояске с глазками»,— приговаривала моя бабушка, разглядывая конверт полученного письма. Грамоты она не знала. Но речь ее певучая, с поговорками, пословицами, присловьями, не застывшая в однажды найденных словах, точно рождалась впервые всякий раз. Разговор ее, радужный, искрящийся, держал нас, детей, в стихии сказки. Для сказок был отведен час особенный: зимний, вечерний, когда со всеми делами в доме управились и взрослые, и дети. Сказывала их бабушка при свере керосиновой лампы, и таинственностью наполнялись углы, вещи, чугуны, ухваты. Пройти из кухни в темную комнату к топчану — равносильно путешествию в страну заморскую: на дороге ждет всякое. Тот же ухват вдруг... конем обернется?! В сказках бабушки не было ни страхов, ни ужасов, умела увлечь она ее слушающих необычностью происходящего.

Потом уже, выучившись чтению, я встретила в книгах стихию, мне родную: ритм, мелодию речи сказок бабушкиных, ее разговора — стихию родного русского языка. Таким хранителем народной речи видите и Вы, Василий Иванович. Поговорки, частушки, причеты, сказки естественны в Ваших произведениях, как дыхание. А первую

сказку, что запомнилась на всю жизнь, кто Вам рассказал, когда? Скажите ее.

— Один из моих прадедов — Михайло Григорьевич Коклюшкин. Мне было тогда три или три с половиной. Сказка про тетерева и лису. Звучит она примерно так: «Сидит на березе Тетерев, вдруг бежит Лиса. Остановилась и говорит: «Тетерев, Тетерев, я в городе была!» — «Бу-бу-бу, бу-бу, была так и была», — отвечает Тетерев. «Указ добыла, — добавила Лиса. — Чтобы вам, тетеревам, не сидеть по деревьям, а гулять бы по зеленым лугам». — «Бу-бу-бу, бу-бу, гулять так и гулять», — согласился Тетерев. Только хотел слететь на лужок, а Лиса услышала конский топот и говорит: «Погляди-ко, кто это там едет?» Тетерев поглядел: «Бу-бу-бу, бу-бу, лошадка бежит». — «А на лошадке кто?» — «Мужик». — «А что у него за плечами?» — «Палка». — «А за лошадкой бежит ли кто?». — «Жеребенок». — «А какой у него хвост?» — «Бу-бу-бу, бу-бу, хвост крючком». — «Ну, прощай, Тетерев, мне дома недосуг!» — сказала Лиса и убежала». О том, что подъехавший охотник убил тетерева, дедушка мне не рассказывал. Я узнал про такой конец сказки уже взрослым.

— Хаживала к бабушке в гости бабка Луша, высохшая, морщинистая, желтая, с тремя зубами во рту. Мужа ее убило лесиной на лесозаготовках. В сказках бабки Луши неперемненны были ужасные превращения, где мертвые существовали наравне с живыми. Замирая, пригвожденные к табуреткам страхами, слушали, не шелохнувшись, а после сказок ее не расходились поодиночке. Сказки женьзя было даже сравнить с какими-либо. Как ни странно, уже будучи взрослой, нашла я родство ее сказок со сказками мальгашей с острова Мадагаскара. А где наша сибирская тайга и где остров Мадагаскар?! Видно, условия жизни в чем-то сходились. В сказках всегда есть элементы уклада жизни народа, быта, манера мышления.

— Сходны у разных народов не только сюжеты сказок, сходны и основные представления о нравственности. Совершенно одинакова у разных народов взаимосвязь труда и фольклора. У убедился в этом, когда работал над книгой «Лад». Я был просто поражен этим сходством, когда прочитал в журнале «Курьер ЮНЕСКО» о жизни и традициях африканских негров. Непритянская община Чада или Кении по своей внутренней сути ничем не отличается от общины русских крестьян, хотя быт и обычаи такие разные, не похожие друг на друга.

— Виталик Кривомазов со станции Клязьма Москов-

ской области написал к нам в редакцию, как у него сочинилась первая сказка: «Я действительно был на море и видел там рыбку и чудесный сон. Но слушать из взрослых меня никто не хотел, все весело смеялись надо мной, а мне было очень обидно и больно до слез. В свои семь лет я еще не умел писать и не мог свою сказку рассказать бумаге, но она все три года не уходила из моей головы, она все время жила рядом со мной.

И вот пришел день, а это было как раз Первое мая, мне в этот день исполнилось десять лет, и я решил, что уже большой и смогу написать свою сказку, рассказать в ней то, что видел и чувствовал, когда был на море. А когда уже была готова сказка и стал читать ее маме, то понял, что написал плохо, что хотела душа, этого нет в моей сказке. И так я ее писал несколько раз, потом снова рвал и бросал в печку, все хотел поймать в своей душе то чувство, которое жило во мне и приносило радость».

Василий Иванович, а как у Вас сочинилась первая сказка? О чем она была?

— Мне кажется, что в раннем детстве, вернее, во младенчестве, явь и сон неразрывны. Может быть, как раз такое счастливое состояние запомнилось Виталику Кривомазову, и он сохранил это поэтическое ощущение до того времени, когда научился писать. К сожалению, фантазия и поэзия чаще всего улетают, когда человек пытается выразить их на бумаге. То есть отнюдь не каждый человек может стать писателем, поэтом, сказителем. Не знаю, есть ли у Виталика Кривомазова природное дарование, но хорошо уже то, что он ощущает разницу между тем, что он написал, и тем, что ему хотелось написать.

Моя первая сказка? Но я, кажется, не писал сказок. Впрочем, написал пьесу-сказку «Бессмертный Кощей». Если же называть сказкой мое первое сочинительство, то это были неудачные стихи о природе. Я придумывал их, когда учился в шестом классе.

— В сказке, сочиненной Виталиком Кривомазовым, есть такой эпизод: «И вот в доме бедного крестьянина родился сын в ту самую ночь, когда ярко светила большая звезда. Мать и отец ласково склонились над колыбелью сына и попросили у большой звезды счастья и здоровья для своего малыша. И тогда звезда своими яркими лучами нарушила тишину ночного неба и запела волшебную песню, которая наградила мальчика редкой красотой, умом и добрейшей душой».

С первым вздохом ребенок слышит мелодию родной

речи, ее ритм. Не потому ли захолонет сердце при звуках родной речи у человека, вернувшегося после длительной заграничной командировки на Родину? С родной речью связаны вся многовековая история Родины, вся ее многовековая культура, ее духовная жизнь.

— О ритме я уже говорил в своих очерках. Но вы правы: помимо ритма, родная речь обладает еще множеством других удивительных свойств. И очень жаль, что нынешние ребята знакомятся с нею больше по книгам, кино и радиотелепередачам, иными словами, из вторых, если не из третьих рук. При таком знакомстве страдает прежде всего поэтическая фантазия, притупляется способность словотворчества. Ведь не задашь вопрос телевизору, не будешь у него спрашивать, почему лиса убежала, когда узнала, что у жеребеночка хвост крючком. К тому же человек рождается еще и для того, чтобы говорить самому, а не только слушать.

— И опять хочется обратиться к одному из моментов в сказке Виталика Кривомазова: «Ракушка раскололась бесшумно, и дверь сдвинулась, распахнулась, и мальчик не успел подумать о плохом или хорошем, как вместо золотой рыбки увидел лодку, и в ней была такая красивая, веселая девушка, что мальчик смотрел на нее растерянно, с изумлением. Он, конечно, потом уже узнал эту девушку, она его детство заполняет сказкой и мечтой, она, волшебница, приносит радость и счастье детям».

А какой Вам представляется сказочница, Василий Иванович?

— Да, Виталик пытается говорить сам. Хотя в приведенных Вами отрывках чувствуются сильные книжные отголоски — что-то от сказок Андерсена, что-то от знаменитой «Алисы в стране чудес» Льюиса Кэрролла. Позднее, если у него есть литературный талант, Виталик, конечно, избавится от подражания и заговорит своим, только одним своим голосом. Но как же это не просто! Как трудно заговорить своим голосом, если ты только слушаешь (общение с телевизором), а не говоришь сам; если только смотришь, как пляшут или танцуют на сцене, а сам сидишь в зале без движения. Отраженное солнце светит, но не согревает. Я хорошо запомнил разницу между сказками, которые рассказывала мать или бабушка, и сказками, которые читали в детском саду по книге. Бабушку можно было в любое время остановить и что-то спросить, даже добавить, в садике этого делать нельзя. Бабушка одну и ту же сказку рассказывала каждый раз по-раз-

ному, а одна и та же сказка из книги звучала всегда одинаково.

Разумеется, я вовсе не за то, чтобы меньше читать. Наоборот, читать надо еще больше... Но родная речь звучит не только в одних книгах или по радио. Пошать ее по-настоящему невозможно без общения с живыми, окружающими нас людьми, а для такого общения необходимо не только умение слушать, но и умение говорить самому. Живая родная речь несовместима с индивидуализмом и эгоизмом.

— В нашей стране грамоту знают, а сказка живет. Сочиняют сказки и взрослые, и дети. Наверное, и по той причине, что ритм сказки, мелодия ее, лексика — в родном языке нашем, в его строе. Стоит только прислушаться! Не стучится ли сказка в сердце? Новая, неожиданная, сказка нашего времени. Ее напутствуют сказки родной земли, завещанные нам Родиной.

— Жажда поэзии, наверное, никогда не исчезнет. Но утоляют эту жажду очень по-разному. Можно, конечно, сочинять свои собственные сказки, не подозревая о смысле и даже о существовании, например, «Колобка» или «Лисички со скалочкой». То есть изобретать велосипед. Лучше ли выдумывать тот же велосипед, чем не выдумывать ничего? Не знаю... Внешняя простота и незамысловатость народной сказки очень соблазнительны. Многим кажется, что сочинить такую сказку (и даже лучше) не так уж и трудно. Очень все это обманчиво! «Новизна и неожиданность» таких сказок рано или поздно оборачиваются банальностью, а народные сказки как были, так и остались прекрасными. Иной раз даже лучше, чем прежде. Творческое постижение уже созданных народом сказок требует не меньше, а, может быть, больше таланта, чем выдумывание своих. Но я вовсе не за то, чтобы дети не сочиняли. Ведь одно другому не мешает в таком возрасте.

Сказка, наверное, стучится не в сердце, как Вы сказали, а из сердца... Только в этом случае она может быть действительно сказкой, а не сочинением на вольную тему. А если это так, то каким же большим и богатым должно быть сердце сказочника!

Хочется, чтобы было много-много книг, сказочных и невероятных.

Даша Кириллова, Москва